

Александр Громов

КОТ-ТАКТ

Позор! Позор всем, наступившим на кота! Во веки веков! Себе же хуже делаете, между прочим.

Лежу это я, никого не трогаю, погружен в себя. Решаю мировую проблему. Какую? А вам что за дело? Моя проблема, я и решаю, любопытных и помощников не приглашал. Ну и ступайте себе мимо, не мешая и не мешкая, а если вам нейдет не обойти меня, а перешагнуть — я и на это согласен. Но наступить? Ногой?!

Нечаянно? Скажите, пожалуйста! Да какая мне разница, нечаянно или с умыслом?!

Не по заслугам дан двуногим большой рост и нешуточный вес, ох не по заслугам...

И ведь обнаглели до того, что ругают несчастную жертву, чудом ими не раздавленную! Не нравится им, видите ли, кошачий крик. А как бы вы заорали, если бы на вас наступил бегемот?

Не знаю, не видел. Но бьюсь об заклад: громко и очень немзыкально.

Сегодня опять: лежу на спине, передние лапы на груди сложил, задние вытянул. Я всегда так лежу, когда думаю о чем-нибудь приятном. Ну и конечно, бежит Дылда. Из всех двуногих он самый противный. Бежит, аж переборки трясутся. И огромной своей ступней — прямо мне на лапу! Каково! Я свету невзвидел и давай орать. Он как подпрыгнет да как впечатается макушкой в потолок! Аж гул по отсекам пошел. И кто виноват, спрашивается? А не бегай по кораблю сломя голову! Или хотя бы помни, что в некоторых коридорах потолки низкие и ничем мягким не обиты.

Нет, если честно, то даже среди людей иногда попадаются неплохие экземпляры. Как исключение. Они сразу бы поняли, что кот ни в чем не виноват. Коты никогда ни в чем не виноваты — виноват тот, кто не знает, для чего они нужны.

А никто по-настоящему не знает, между прочим. Даже лучшие из двуногих. Очень уж они ограниченные и самодовольные до смешного.

Но Дылда не из лучших. И не из средних. Он еще хуже — как ушиб никчемную свою макушку, так сейчас же захотел меня пнуть. Вы представляете? Меня! Пнуть. Ногой. Ждать пинка я, конечно, не стал и удалился чуточку быстрее, чем обычно, но все-таки не теряя достоинства. А уж что он кричал мне вслед!

Я не утерпел и ответил ему, кратко и емко охарактеризовал его моральные качества. Жаль, что он не понял.

— Опять животное мучаешь? — вылетела в коридор Разиня, услышав глупые проклятья Дылды и мой полный справедливое негодования ответный мяв. — Наступил? Наступил, да?

Дылда сразу стушевался. Перед Разиней многие тушуются. По меркам двуногих, она красивая и решительная. Двуногим не видна ее глубинная сущность.

Зато она превосходно видна мне. Нерешительная и закомплексованная особа с детства упрямо работала над собой и загнала свои недостатки вглубь. Когда все душевные силы уходят на то, чтобы не дать недостаткам выползти наружу, на многое просто не хватает внимания. На моей памяти Разиня уже дважды упускала шанс получить в командование такой же корабль, как наш, и — вот умора — оба раза не заметила этого. Так и состарится простым штурманом на пассажирском лайнере.

Лучше бы она не покидала рубки. При входе в диспетчерскую зону возможно всякое, а возле Мю Цефея движение особенно оживленное. Столкнувшись с каким-нибудь грузовозом, нежданно вынырнувшим из гиперканала, — удовольствие сомнительное.

— Ну ладно, ладно... — забормотал Дылда. — Не сильно-то и наступил... Этот твой любимчик нарочно ложится так, что не хочешь, а наступишь...

— А тебе трудно под ноги посмотреть? Садист! Ты его убьешь когда-нибудь. Киса, где ты? Кис-кис... Штиблет! Кис-кис... Штиблетушка...

Штиблет — это я. Мне известно, что означает это слово на языке двуногих. Иногда я даже снисхожу до того, что откликаюсь, хотя нимало не похож ни на какую обувь. Еще чего не хватало! Мы похожи только на самих себя и вполне тем довольны.

— Кис-кис-кис... Вон ты где! Иди сюда, Штиблетик...

Не иду. Прекрасно вижу: Разине просто хочется приласкать меня и тем успокоить. Вот еще! Если бы она сообразила предложить мне что-нибудь вкусненькое — ну тогда так и быть. А коли не догадалась — мерси, мне и в одиночестве хорошо. Самое же существенное вот в чем: я вижу, что погладить меня ей важнее, чем мне быть поглаженным. Какой уважающий себя кот не устыдится, поняв, что доставил человеку больше пользы, чем получил от него? Подхалимов мы не уважаем. В честном кошачьем бою им всегда достается по первое число — кишка тонка у подхалимов драться как следует.

— Кис-кис... Ну же, Штиблетушка... Беги сюда.

Ага, так я и разбежался.

Вздохнула Разиня, ушла в рубку. Это правильно. Инструкции для кого писаны? Это я имею право гулять сам по себе, а двуногие закабалены великой кучей ими же придуманных правил. Рабы они, хоть и мнят себя царями природы.

Впрочем, после посадки надо бы подойти к Разине, потереться о ногу. Иногда и рабы заслуживают поощрения. На то мы и высшие существа, чтобы изредка проявлять великодушие.

Как правило, самки двуногих лучше самцов. По крайней мере, с поверхности. У самок все лучшее на поверхности. В глубине они часто не менее, а более жестоки, чем самцы. Наше счастье, что они обожают ласковых и пушистых.

Мы, мэйн-куны, как раз пушисты и ласковы, любим помурчать, а еще игривы. Это у нас от ума. Нам необходимо, чтобы нас обожали. Чем сильнее обожают, тем полнее миска. Мэйн-куны крупны, и еды нам требуется больше, чем другим кошкам. Самки двуногих изрядно глупы, они не ви-

дят того, что у них перед глазами: наши подбородки и кисточки на ушах. У кого из кошачьих есть кисточки на ушах? А? Как по-вашему, у рыси добрый характер? А наши выпяченные подбородки прямо указывают на несгибаемую силу воли и недюжинную целеустремленность. Если не верите, попробуйте искупать мэйн-куна. Что он подумает, вопрос второй, но обязательно сделает вид, будто ничуть не боится воды. Это ли не характер? Что до нашего ума, то вот вам лишь одно, сравнительно мелкое, его проявление: мы скрываем от двуногих свою истинную сущность и тем привязываем их к нам. Не так ли в свое время поступал и человек, мало-помалу приручая скотину?

В пассажирских отсеках — а они, чтоб вы знали, занимают пять шестых полезного объема корабля — я бывать не люблю. Пассажир — самое никчемное существо, а хуже всех дети. Их леденцами не корми, дай покуситься на мое достоинство! У них это называется — поиграть. Разве я игрушка? Вы имеете дело с личностью, молодой человек! Хотите сделать себе приятное за мой счет — сделайте что-нибудь приятное и мне, а я рассмотрю, эквивалентен ли обмен. Если нет — свободны!

По своей воле я бы вообще никогда не выходил к пассажирам, но ритуал ежедневного обхода владений — это святое. Должен я проверить, все ли в порядке, или нет? Ясно — должен. И у котов бывают обязанности.

Я уже знал, что в этом рейсе никто из пассажиров не берет с собой ни котов, ни кошек. Была одна вздорная собачонка карманного формата — столь мелкая, что, узрев меня, совершающего обход, опять, как в первый раз, напустила лужу и, отчаянно скуля, попыталась скрыться в штанине хозяина. Разумеется, я степенно продефилировал мимо, даже не повернув головы. Еще не хватало обращать внимание на всякую мелочь! К беспорядку в моих владениях она уж точно не относилась.

К беспорядку относилось другое. Девчонка лет восьми — совершенно никчемное существо с полным отсутствием центров торможения в курином мозгу — не придумала ничего лучше, как метнуться ко мне со скоростью хищника, схватить меня за задние лапы и слегка приподнять. Ей было

интересно, как я буду ходить на одних передних, точно в цирке. Откуда ей знать, что в цирке соглашаются работать лишь те из нас, кто не видит лучшей перспективы, — парии, изгой, отбросы кошачьего общества? Разве я циркач?

Извернувшись, я выпустил когти и дал волю передним лапам. Маленькая дрянь истошно завизжала, к ней кинулась мамаша, а я унес ноги. К счастью, пассажирам вход в служебные отсеки лайнера строжайше воспрещен. Еще не хватало, чтобы ненужное вздумало качать права!

А вообще, черт знает что такое! Тут не лежи, там не ходи... Мой это корабль, в конце концов, или не мой?!

Нашел укромный уголок, умылся, успокоил растревоженные нервы и отправился в рубку к Разине. Вот теперь можно потереться о ее ногу и помурлыкать. Почему теперь? Потому что она занята, а значит, я ей помеха. Но запомнит, что я подходил, а она меня отшила. Глядишь, на почве комплекса вины принесет с камбуза что-нибудь повкуснее того комбикорма, что мне обычно скармливают. Так и надо. Никогда не иди навстречу желаниям двуногого — первая заповедь умного кота. Взаимность приедается. Чересчур ласковых кошечек двуногие рано или поздно начинают шпынять. В них нет непостижимого для двуногих кошачьего «я», они разгаданы и малоинтересны. Поэтому всегда тщательно выбирай время, чтобы показать, какой ты замечательный кот! Это вторая заповедь.

Иные уходят в открытую оппозицию — и кончают свою жизнь на помойках. Глупые. Совсем не трудно уразуметь правильную линию поведения: не потакай, но и не тяни в обратную сторону. Найди баланс.

Разиня выразила притворное недовольство, не отрываясь от своих приборов и экранов, а Сушенный Подлещик отвлекся на мгновение, чтобы бросить: «Пшел вон, Штиблет!» Как я и предвидел, им было не до меня. Тем лучше. Я уселся возле переборки и принялся умываться с оскорбленным видом. Пусть устыдятся.

На обзорном экране между тем росла Мю Цефея — Гранатовая звезда, как ее иначе называют. Мне от нее не по себе, очень уж она красна и велика, а для чего существует — неясно. Двуногие, разумеется, думают, что исключительно

для их удобства. Они все меряют удобством. Видите ли, одна из планет Гранатовой удобна им как пересадочная станция. Астровокзал здесь. Даже два астровокзала — пассажирский и грузовой. А между ними что-то вроде города с уймой гостиниц для транзитных пассажиров и всевозможных, но неизменно громадных складов, теснящих пустыри по окраинам.

Мне — тьфу. Это все выдумки двуногих. Хоть всю планету прибери под свои нужды, только о коте не забывай. Я здесь не впервые, и Разиня не раз выпускала меня на прогулку. Ничего планета, жить можно. Конкуренентов мало, гуляй — не хочу, травка на городских задворках растет знакомая, нездешняя, для желудка полезная, пырей называется. Редко-редко заорет кто-нибудь, заявляя свои права на территорию. Ну и я поору — само собой, больше для приличия. Не молчать же. Подрасться? Я готов. Только мало находится желающих сцепиться с мэйн-куном. Поорет-поорет конкурент да и отступит. Пусть бежит. Я преследую только самых ответных нахалов.

Кстати, поискать бы Эвольвенту. Хорошая кошечка. А что на улице живет, так это ничего. Она чистюля. У меня с нею много чего было и еще будет.

Самое худшее, что придумали для нас двуногие, это силовой поводок. Затянут у тебя под мышками ременный пояс, а в нем вшитая дрянь. И когда хозяин включит крохотную коробочку на браслете, что застегнут на его запястье, эта дрянь тащит меня туда, куда хозяину нужно. У меня всегда нервы расстраиваются, когда меня тащит что-то такое, чего не видно. По обыкновенному поводку хоть можно стукнуть лапой, демонстрируя возмущение, а здесь по чему стучать? Ничего же нет, одно сплошное ничто, лапа свободно проходит. Я-то уже по привычке, а молодые коты с таких штук, бывает, шалеют до полной невменяемости. Не понимаю я этой страсти двуногих — унижить кошачье достоинство. Зачем это им? Чтобы самим возвыситься?

Хотя если подумать, что с них взять? Как были обезьянами, так и остались. Правда, кое-чему научились, но ведь не тому, чему надо! Нет, не тому!

Ну, сели мы на планету. Увидел я поясok от поводка

у Разини в руках — заметался. Не от страха, а для порядка. Спину выгнул, пошипел сколько положено. Уж она меня уговаривала! А я ведь не дурной, понимаю, что без поводка меня на планету никак не пропустят — такие уж у двуногих правила, и Разиня против них бессильна. Но выразить законное негодование обязан всякий уважающий себя кот. После чего можно и смириться на время, особенно если помнить, кто тут на самом деле хозяин. Поводок — штука обоюдная. Ведет двуногий кота и не понимает, что это кот ведет его. А если кот хочет в одну сторону, а двуногий тянет в другую, полезно знать: грубая сила никогда не служила мерилом интеллекта. Вот, скажем, слон — преогромная зверюга, может раздавить двуногую одним притопом, а много ли ему с того пользы? Двуногие на нем, дураке, бревна в джунглях возят.

Нет, люди не совсем дураки, но уж больно много о себе мнят. Вот и Разиня — ведет меня на поводке, приговаривая умильно: «Молодец, котик, умница ты мой, Штиблетушка», и невдомек ей, что в действительности не она меня ведет, яко пса позорного, а я сам иду, сохраняя достоинство. Да и никакой я не ее кот, я свой собственный кот.

А вот Разиня — моя. И нет ничего странного в том, что иногда мне приходится и претерпеть от нее. Человека тоже может боднуть коза, так что же ему, человеку, из-за этого не считать козу полезным домашним животным? А что двуногих нам еще приручать и приручать, так это дело обыкновенное. Дайте время, приручим. Коза небось тоже не сразу приручилась.

Ну, прошли мы въездной контроль, повеяло на меня местными запахами. Благодать! Пахнет чужепланетной пылью, земным пыреем и, кажется, Эвольвентой. Эй, двуногое недоразумение, отпусти уже кота! Он погулять хочет. Только, чур, покорми сперва!

Не тут-то было. Как только рассталась Разиня с Дылдой, Сушеным Подлещиком и прочими двуногими придатками к нашему космолайнеру, так ноги в руки — и в гостиницу. Глаза у нее при этом, как у Эвольвенты в брачный период, и неспроста: у Разини шуры-муры с одним пилотом, что ходит в рейсы к Фомальгауту. Иной раз случается, что дни от-

дыха пересекаются у них именно здесь, на Мю Цефея. «Случается» — это, по-моему, от слова «случка». И весьма бурная, я вам доложу.

Мне — тьфу! Это их дело. Я даже использую его в своих целях: поднимаю мяв, как только эти двое начинают предаваться блуду. Ну и, натурально, меня выгоняют вон, а мне того и надо. Разиня знает: я вернусь, как только покончу со своими делами. Еще ни разу не опоздал к очередному рейсу, между прочим! Ну просто добропорядочный корабельный кот. А я никакой не корабельный — я свой собственный. Захочу — уйду. Обязан я кому, что ли? Ни в коем случае. Имею полное право уйти. А не уйду, потому что не слабомумный.

В этот раз искомого Разиней пилота на планете не оказалось. Ну-ну. Мне что, я иду себе и в ус не дую. Встречные языками щелкают: «Ух ты, какой зверь! А морда-то!..» Разиня в расстроенных чувствах. А я не упираюсь, не ору и вообще не позволяю себе никакого своеволия, потому что в данный момент толку в нем нет.

В гостиничном номере — иное дело. Обнюхал я все предметы, как заведено, а уже потом голос подал. Как раз, по моим расчетам, Разиня слегка успокоилась и не станет швыряться в меня разными предметами. Так и вышло. Но и мяв мой ей поперек души. Добился: покормила она меня, а когда я поел, но не замолчал — обругала в сердцах и выпустила за дверь. Вот как надо. Учитесь! А впрочем, кому я это говорю! Только очень глупый кот не умеет пользоваться двуногими.

Коридор, холл — и вот я уже на воле. Небо серое, висит в нем кирпично-красное солнце — Гранатовая, видите ли, звезда — и на нервы действует, но я к такому уже привык. Галопом выбрался из человеческого муравейника, травки пожевал, обхожу неспешно территорию. Эй, подружка, где ты?

Неудача. Нашлась Эвольвента, а при ней выводок котят, и она на меня смотреть не хочет. Один котенок меня за хвост лапой тронул, а я стерпел. Как знать, вдруг он мой отпрыск? Окрас, во всяком случае, похож: черный тигровый. А Эвольвента шипит! Конечно, кошки украшают жизнь, но

даже лучшие из них чересчур подвержены эмоциям. Пришлось сделать вид, что не огорчен, и потрусить обратно. Ладно, переживем.

Вернулся. В гостиничном холле изобилие двуногих — кто просто так сидит, а кто тянет из стакана через соломинку какую-то отраву. Обратили на меня внимание, а коту тоже иной раз хочется покрасоваться, пусть даже перед низшими существами. Только я лег на ковер у всех на виду, как — бац! Конкурент.

Рыжий и крупный, хотя не крупнее меня, конечно. И тоже небось считает эту территорию своей, несмотря на то что она моя. Ладно уж, когда я в отсутствии — пользуйся. Но когда я здесь — не попадайся на глаза!

Нахалов учить надо. Вскочил я, издал боевой клич. В ответ конкурент заорал премерзостно. Хвостом себя по бокам хлещет. Но я же вижу: трусит рыжий перед мэйн-куном и удрать готов, только не с позором. Ну, так и быть, поори, но, чур, недолго!

Краем глаза вижу: двуногие зашевелились, заерзали азартно на табуреточниках. Табуреточник — это что-то местное, живое. Выглядит как массивная табуретка, умеет лениво передвигаться, перебирая толстыми гнутыми ногами, но больше стоит в неподвижности, а когда двуногий садится на него — принимает форму, удобную седалищу. В местных гостиницах ни стульев, ни кресел отродясь не было. Зачем они, если на планете водятся табуреточники?!

У двуногих плебейское развлечение — поглазеть, как два высших существа будут выяснять отношения. Портье недоволен, но на него рукой махнули. Подначки с трибун пошли:

— Эй, тигровый, в челюсть его!

— Не робей, рыжий, встречай прямым справа! Дави верзилу!

— За ухо его куси!

— Ставлю три к одному на тигрового!

— Еще чего! Ставь пять к одному, тогда подумаю.

— В угол зажимай! Эй, секунданты рыжего, приготовьте полотенце!

Кажется, это называется у них чувством юмора. Двуно-

гие вообще склонны задирать нос, но своим чувством юмора они особенно гордятся. Было бы чем. К тому же выставлать напоказ свои сильные стороны — вообще глупость. Серьезного врага этим не испугаешь. Да и юмор у них глупый, одно слово — человеческий. Тоже мне, сильная сторона!

Я медленно иду на рыжего. Тот орет, испугать меня дурачит. Не на такого напал. Двунogie ликують, предвкушая зрелище.

И вдруг... шуточки и хохот как отрезало, повисли в воздухе проклятья. Это все табуреточки, сколько их было в гостиничном холле, одновременно и не очень-то вежливо стряхнули с себя двунogie и потянулись к выходу. Из людей кто вскрикнул от неожиданности, растянувшись на полу, кто ругается, кто пытается словить убегающего табуреточника, а кто, ничегошеньки не поняв, кричит о землетрясении. Портье призывает к спокойствию, да где там.

Рыжий под шумок удрал. Кинулся я было догнать его и устроить нахалу трепку, но притормозил. Самому любопытно стало. Слышал краем уха, что такое здесь иногда случается, но сам не видел. Двинулся я за табуреточниками. А они знай себе идут сквозь мембранную дверь, вытянувшись в колонну, а за дверью разбредаются кто куда. И ведь чую: довольны табуреточки жизнью в крайней степени!

Как чую? Вам этого не понять, если вы не кот. Собака еще могла бы понять, они худо-бедно ощущают настроение двунogie. Ну и всяких прочих тоже. С котами им, конечно, не сравниться, куда им, рабам наших рабов.

Увязался я на улице за одним табуреточником и даже о рыжем конкуренте забыл. Идет табуреточник, ногами переступает. По тротуару идет, под механические повозки не лезет. Как я и думал, двинулся он к городским задворкам, но, конечно, не в сторону аэровокзала, а поближе к дикой природе. А навстречу ему — глядь! — сразу несколько табуреточников. И откуда только взялись? Вовсю поспешают. Притормозили возле моего, молча посоветовались о чем-то — и чуть ли не галопом к гостинице! В дверь ломятся. Мембранная дверь с них пыль счищает, так что портье даже не шевелится — знает, что новые сидячие места в протирке не

нуждаются. А по какой причине произошла замена «мебели» — портье не интересуется. Мол, так и надо. Дурак.

Подошел я тогда к табуреточнику, понюхал его, вибриссами потрогал да и потерялся о его ножку, устанавливая контакт. Мысли его уловил и все понял. Не мы одни используем двуногих, в то время как те уверены, что это они используют нас. Табуреточники поступают так же, только их не миска с кормом интересуется, а эмоции двуногих. Уважаю! Не конкуренты они нам, коли жаждут от двуногих того, в чем мы не нуждаемся. Подпитается табуреточник эмоциями какого-нибудь туриста, присевшего на него отдохнуть, насытится да и пойдет себе усваивать корм, телепатически дав понять собратьям: занимайте, мол, мое место. А некоторых из них двуногие увозят на другие планеты, чтобы и там было на чем посидеть, так что табуреточники мало-помалу распространяются по Вселенной. Совсем как мы.

«Привет, сиденье», — невербально сообщаю я табуреткоподобному собрату, и он отвечает мне:

«Привет, хвостатый. Спасибо тебе».

Я сразу понял, за что спасибо. Ну какие могут быть эмоции у двуногих, ожидающих чего-то в холле? Ленивые, вялые. Никакой питательности для представителей местной цивилизации ходячих табуреток. То ли дело буря эмоций под шоу, которое устроили мы с рыжим! Это же для табуреточников истинный пир, деликатесы в огромном количестве!

Ну и пожалуйста. Один раз не жалко.

«Как насчет регулярных выступлений?» — деловито интересуется табуреточник, уловив мои мысли.

«Рассмотрим, — отвечаю я тактично, но уклончиво. — Вообще-то мой народ уважает регулярность только в еде и сексе».

«Согласен и на нерегулярные, — телепатирует он. — Размер и форму оплаты обговорим позже».

И побрел себе в свою сторону, пошатываясь от сытости, а я побрел в свою.

Нахлынула была досада — и прошла. Ну, в самом деле, неужели мы, кошачьи, одни такие? Другим вот тоже хватило разума воспользоваться двуногими. И знаете, я уверен, что нам с табуреточниками хватит ума поделить взимаемую

с двуногих пользу к обоюдному удовольствию. И даже многократно преумножить ее, как водится у всех разумных. Но это потом. Сейчас главное то, что мы нашли и поняли друг друга.

А двуногие пусть себе ищут братьев по разуму, почем зря бороздя галактические просторы. Вряд ли они когда-нибудь найдут братьев по такому, с позволения сказать, разуму, какой у них.

Да им, по-моему, и не надо.

Алексей Калугин

ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА

— **Л**от номер двести восемьдесят шесть! Астероид М-18-Альфа с залежами никелевой руды! — Ведущий торги щелкнул пальцами, и по залу прокатился густой, упругий звук гонга. — Прошу! Делайте ваши ставки, господа!

Вершигоров растерянно хлопнул глазами, раскрыл рот и произнес:

— А...

Ведущий тут же упал грудью на трибуну и вытянул указующий перст в направлении Вершигорова:

— Я вижу, господин из первого ряда готов сделать первую ставку! Ну же, уважаемый! Включайте свой идентификационный планшет!.. Итак, сколько?..

Не в силах вымолвить ни слова, Вершигоров только головой затряс.

— Жаль. — С видимым разочарованием ведущий убрал длинный палец, которым, казалось, собирался выковырнуть Вершигорова из кресла.

Раздался мелодичный звуковой сигнал, и на огромном экране за спиной ведущего возникли сначала бегущие по кругу зеленые полосы, а затем надпись: «Система Венор-4. 1 год».

— Представитель системы Венор-4 предлагает провести разработку полезных ископаемых на астероиде М-18-Альфа, а затем уничтожить его ровно за один галактический год! — Ведущий вскинул руку. — Напоминаю! Астероид М-18-Аль-

фа находится вблизи транспортной магистрали Киу-66 и представляет собой потенциальную угрозу тем, кто выбрал для путешествия этот маршрут. Поэтому мне хотелось бы, чтобы кто-то предложил решить эту проблему за более короткий срок!

Вновь прозвучал уже знакомый Вершигорову сигнал.

Зеленые полосы пробежали по экрану, и на нем появилась новая надпись: «Федерация Краутон. 10 месяцев + 8 дней».

— Замечательно! — шелкнул пальцами ведущий. — Представитель Федерации Краутон предлагает решить проблему за 10 месяцев и 8 дней! Напоминаю, господа, залежи никелевой руды на астероиде М-18-Альфа оцениваются специалистами в одну тысячу двести восемьдесят семь стандартных галактических трудодней! Так что все ваши затраты окупятся сторицей! Итак, кто сделает новую ставку? Кто меньше, господа?

В том, что происходило вокруг, Вершигоров выделил три момента, которые смущали его. Первый: он никогда прежде не посещал аукциона, а потому даже понятия не имел, как себя вести. Второй: он сидел на самом заметном месте в первом ряду, но одет был при этом в домашний полосатый халат, здорово полинявший за годы безупречной службы, с вытертыми до прозрачной сеточки локтями, а на ногах его красовались зеленые домашние шлепанцы с дыркой, из которой вызывающе торчал большой палец правой ноги. И, наконец, третий: ведущий торгов, хотя и стоял на двух ногах, оказался покрыт крупной зеленой чешуей, челюсти его были вытянуты и уплощены на манер утиноного клюва, глаза — желтые, с вертикальными зрачками, а по голове и открытой части спины тянулся широкий кожаный гребень, поднимающийся всякий раз, когда голос ведущего закипал от переполнявших его эмоций.

Впрочем, последние два пункта вскоре отпали. Осмотревшись, Вершигоров смог убедиться, что зал заполнен существами, многие из которых имели куда более причудливую внешность, нежели ящерицеобразный ведущий. Были среди присутствующих и человекообразные особи, но почти все они отличались необычным цветом кожи, варьирую-

щимся в пределах от бледно-розового до темно-лилового, странной формой ушей, непривычным разрезом глаз или чудными предметами, которые использовались в качестве украшений. Что же касалось одежды, то на некоторых и вовсе не было ничего, кроме перьев или чешуи. По сему поводу Вершигоров решил, что его халат не особо выделяется на общем фоне. А обутые в тапки ноги он на всякий случай спрятал под кресло.

Вершигоров никак не мог взять в толк, что же он тут делает. Ему доводилось слышать слово «аукцион». Он знал, что на аукционе можно что-то купить или что-то продать. Как правило, очень дорогие вещи. Но о том, как именно это происходит, Вершигоров имел весьма смутное представление. Он предполагал, что личности на аукционах собираются весьма своеобразные, экстравагантные. Но все же не настолько странные, как те, что заполняли зал.

И самое главное — Вершигоров понятия не имел, как он тут оказался!

Именно это крайне неприятное чувство, на научном языке именуемое ретроградной амнезией, а на всем понятном — «память отшибло», очень мешало Вершигорову просто встать и покинуть зал. Кто знает, может быть, его сюда специально зачем-то пригласили? И, наверное, не каждого усадят на почетное место в первом ряду. Да и зеленый ведущий то и дело искоса посматривал на Вершигорова, как будто ждал от него не то откровения, не то безумства.

— Так! Я вижу, свое предложение хочет сделать представитель Кластера-887! — Ведущий вытянул длинную тонкую руку, указывая в самый конец зала. — Ваше слово!

Звуковой сигнал — и на экране за спиной ведущего появилась новая информация.

— Девять месяцев и три дня! Замечательно! Похоже, что за этот лот борьба предстоит нешуточная! Кто меньше, господа?.. Кто меньше?.. — Звуковой сигнал! — Девять месяцев ровно! Представитель Эф-Содружества!.. Кто меньше?..

Немного пообвыкнув и убедившись, что он никого своим внешним видом не шокирует, Вершигоров почувствовал себя увереннее. Вопрос о том, как и почему он здесь оказался, по всей видимости, вскорости разрешится. А раз уж слу-

чилась такая оказия, нужно пользоваться случаем. Кто знает, когда еще выпадет возможность на настоящем аукционе побывать. А в том, что аукцион богатый и знаменитый, у Вершигорова не возникало сомнений. Все о том говорило: и убранство зала, и его техническое оснащение, и ловкий ящероподобный ведущий, и весьма специфическая публика. Да и сами торги... Надо полагать, далеко не на каждом аукционе участникам предлагают купить астероид.

— Кто готов предложить меньше девяти месяцев за астероид М-18-Альфа, господа?.. Ну же!.. Напоминаю: запасы никелевой руды на астероиде М-18-Альфа оцениваются в одну тысячу двести восемьдесят семь стандартных галактических трудодней!

Чешуйчатый пел свою песню, но разноперые участники аукциона не торопились — сидели, притихшие, и делали вид, что внимательно изучают свои идентификационные планшеты.

Дабы не выделяться, Вершигоров тоже взял в руки планшет, лежавший у него на коленях. В центре воспроизводилась информация с большого экрана. Поверху тянулась лента крупных желтых букв: ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ/ СОЛНЕЧНАЯ СИСТЕМА. В самом низу экран перечеркивали две шкалы — зеленая и красная. Красная была разбита на деления, как ученическая линейка. Только вместо сантиметров и миллиметров на ней обозначались годы, месяцы и дни. На зеленой стоял бегунок, острым концом указывающий на отметку «9 месяцев» красной шкалы. Бегунок призывно подмигнул Вершигорову, и тот протянул к нему палец.

— Девять месяцев — раз!.. Девять месяцев — два!.. — Ведущий поднял руку и выдержал многозначительную паузу. — Девять месяцев!..

Вершигоров прижал бегунок пальцем и решительно перевел его в крайнее левое положение.

Гонг!

— Три?.. — Чешуйчатый запнулся, удивленно посмотрел на лежавший перед ним планшет, потыкал пальцем в какую-то кнопку и недоуменно потряс головой. — Три дня? — Он обернулся и посмотрел на большой экран, чтобы убедиться в том, что не ошибся. — Три дня? — он окинул при-

тихий зал недоумевающим, растерянным взором. — Представитель планеты Земля предлагает три дня за астероид М-18-Альфа? — Он оперся руками о края трибуны, лег на нее грудью и пристальным, немигающим взглядом, как умеют только рептилии, посмотрел на Вершигорова. — Я правильно вас понял?

Вершигоров глянул в свой планшет. Последняя загоревшаяся на нем надпись гласила: «Планета Земля. 3 дня».

— Все верно, — кивнул он ведущему.

— Вы уверены, — озадаченно вывернул голову чешуйчатый, — что за три дня возможно забрать всю руду с астероида, а затем распылить его?

— Почему же нет? — улыбнулся Вершигоров. — Если никто не будет мешать...

Публика в зале возбужденно загудела. Кто-то одобрительно свистнул.

— И вы готовы предоставить организаторам аукциона проект трехдневного освоения астероида М-18-Альфа? — продолжал давить на Вершигорова зеленый.

Вершигоров задумчиво потерел кончик носа. Понятное дело, никакого проекта у него и в помине не было. Он вообще не понимал, о чем идет речь. Но признаваться в этом не хотелось. Поэтому он гордо вскинул голову и громко произнес:

— Готов!

Ведущий ошарашенно высунул раздвоенный язык.

Публика в зале взорвалась восторженными аплодисментами.

Вершигоров довольно улыбнулся. Пусть всего на пару минут, но ему удалось оказаться в центре внимания. И не во дворе, среди любителей домино и пива, а в окружении участников элитного аукциона!

Неожиданно откуда-то слева выскользнул невысокий, худосочный типчик, одетый в лиловое трико, с тремя розовыми перышками, торчащими на самой макушке лысой головы. Прижимая локтем планшет, лиловый подбежал к ведущему и что-то быстро зашептал ему в прикрытое кожаной складкой ушное отверстие. При этом оба косились на Вершигорова.

Все, подумал Вершигоров, сейчас меня отсюда выставят. И ему вдруг отчего-то сделалось невероятно грустно. То, что происходило сейчас, было, наверное, самым захватывающим приключением в его не сказать чтобы совсем уж безнадежной, но в целом тусклой жизни.

Выслушав лилового, ведущий коротко кивнул, поднял руку и щелкнул пальцами.

По залу поплыл протяжный гул. А с экрана за спиной ведущего пропали все надписи.

— Господа! Торги по лоту номер двести восемьдесят шесть признаны недействительными!

По залу прошел недовольный гомон.

— Повторные торги по этому лоту состоятся на следующей неделе! О точной дате будет сообщено отдельно!

Изображая досаду, Вершигоров щелкнул пальцами и крутанул головой.

— Они всегда так, всегда, — зашептало, а может быть, забулькало сидевшее справа от Вершигорова существо, отдаленно напоминающее сиреневого осьминога с широкой клоунской улыбкой и длинным слоновьим хоботом. — У них такая тактика, — осьминог дружески положил одно из своих щупалец Вершигорову на руку, — зажимают все перспективные проекты. Не далее как на прошлой неделе...

К сожалению, Вершигорову так и не удалось узнать, что же произошло на прошлой неделе. Лиловый с тремя перышками сбежал с трибуны, подскочил к Вершигорову, крепко ухватил его за локоть и со словами: «Пойдемте со мной, господин Вершигоров, я вам все объясню» — повлек его к выходу.

Вершигоров едва успел кивнуть на прощание сиреневому осьминогу.

* * *

Едва поспевая за лиловым, Вершигоров покинул зал, прошел по широкой галерее, украшенной монументальными голографическими панно, изображающими, как можно было понять, различные варианты эволюции разумных существ, свернул в коридор, освещенный парящими под потолком большекрылыми бабочками, и вошел в просторный

кабинет. Или, скорее, небольшой зал для совещаний. Дальняя стена была прозрачной — за ней по бледно-зеленому небу плыли пушистые белые облака. На других стенах были развешаны плоские экраны, каждый из которых выдавал какую-то визуальную информацию. Вершигоров сразу же узнал ящерицеобразного ведущего, экспрессивно размахивающего руками и беззвучно разевающего безгубый рот. Больше всего Вершигорову понравилось, как ловко, не прекращая говорить, зеленый время от времени облизывал свои выпученные глаза длинным раздвоенным языком. Как будто протирал от пыли. Хотя, может быть, так оно и было?

В центре комнаты стоял большой овальный стол на тонких металлических ножках, с прозрачной столешницей. На столе, как и полагается, находилась оргтехника: экраны, экранчики, пластиковые коробочки с множеством щелей и ящички с кнопочками. Вокруг стола — с дюжину прозрачных кресел необычной конструкции. Вершигоров никогда прежде не видел столь причудливой мебели, а потому решил, что именно такая форма называется эргономичной.

Два человека сидели по разные концы стола и без особой приязни посматривали друг на друга. Один был японец. Лет пятидесяти, с гладко зачесанными назад темными волосами, прикрытыми капроновой сеточкой, в маленьких очках с круглой оправой, с тоненькой ниточкой усиков на губе — ну просто классический представитель среднего класса Страны восходящего солнца. К тому же и одет он был в темно-синее кимоно с золотыми рыбками. Вершигорову нравились японцы, поэтому он приветливо улыбнулся человеку в кимоно. Японец тут же вскочил, сложил руки на животе и низко поклонился. Второй же окинул Вершигорова холодным, надменным взором и в знак приветствия едва заметно наклонил голову. Он казался моложе японца и, несомненно, относился к европейскому типу. Одет он был в серые брюки и кремовый блейзер с клубной эмблемой на груди.

Еще в зале находился гуманоид, родиной которого никак не могла быть планета Земля. Он был невысокого роста и очень, очень тучен. Ярко-малиновый френч с золотыми пуговицами и позументами с трудом сходился на круглом животе. Его одутловатое лицо с обвисшими щеками и выпу-

ченными водянистыми глазами показалось Вершигорову похожим на голову селедки, что в красивой селедочнице возлежит на праздничном столе, сбрызнутая подсолнечным маслом и прикрытая тонко нарезанными колечками репчатого лука. Оттопыренные складчатые уши малинового также наводили на мысль о жабрах.

Сопровождавший Вершигорова лиловый тут же подскочил к малиновому и что-то тихо зашептал ему в ухо. Малиновый внимательно слушал, кивал и время от времени поглядывал на Вершигорова. Взгляд у него при этом был совершенно невыразительный. Как у рыбы.

Вершигорову надоело ждать, когда ему предложат сесть. Он подошел к столу и сел в прозрачное кресло. Ровно посередине между приветливым японцем и надменным европейцем. Откинулся на спинку кресла. Удобно. Постучал пальцами по прозрачной столешнице. В глубине сознания шевельнулся вопрос: что я тут делаю? И почему все молчат?

Выслушав лилового, малиновый похлопал его по плечу, и тот удалился.

Малиновый подошел к столу, занял место напротив Вершигорова, сложил руки на груди и поочередно, словно оценивая по каким-то одному ему понятным критериям, посмотрел на каждого из присутствующих.

Японец улыбнулся.

Европеец нервно дернул плечом.

Вершигоров положил на стол идентификационный планшет, который прихватил из аукционного зала.

— Вы действительно собирались принять участие в торгах? — спросил его малиновый.

— А почему нет? — вскинул брови Вершигоров. — Раз уж меня сюда пригласили...

Он умолк, не закончив фразы. Потому что понятия не имел, как она должна быть закончена.

— И вы собирались приобрести астероид на условиях добычи всех его полезных ископаемых в течение трех дней?

Вершигоров подумал. И почему-то решил, что лучше будет уйти от прямого ответа.

— Ну, в общем, что-то вроде того.

— Восхитительно! — всплеснул пухленькими ручками малиновый.

— Спасибо, — смущенно улыбнулся Вершигоров.

— Вы хотя бы представляете себе технологию добычи полезных ископаемых на астероидах? — Малиновый навалился животом на край прозрачной столешницы. — Практически в условиях открытого космоса?

— Нет, — честно признался Вершигоров.

— Тогда — почему?

Малиновый всем своим видом олицетворял недоумение.

Вершигоров улыбнулся и прищурил левый глаз.

— А, так!

— Так? — растерянно повторил малиновый.

— Ну да! — подтвердил Вершигоров, молодецки хлопнул в ладоши и широко раскинул руки в стороны.

— Хорошо. — Малиновый быстро провел кончиками пальцев по лбу. — Я ничего не понял, но не об этом сейчас речь. — Он выпрямился, одернул френч, приосанился. — Меня зовут У-Фар. Я представляю кластер Шен-2-12. И являюсь одним из распорядителей Галактического аукциона, на который вы приглашены. Слева от меня — господин Осино Курamoto из Японии. В Осаке у него свой небольшой бизнес.

— Зажигалки, мундштуки, пепельницы, портсигары и прочие аксессуары для курильщиков, — вставил японец и поклонился так, что едва не коснулся лбом стола.

— Справа — господин Томас Уильям Тревес-третий из Великобритании.

— Сэр Тревес-третий, — поправил У-Фара англичанин.

— Насколько мне известно, сэр Тревес занимается живописью, — улыбнулся англичанину У-Фар.

— Прежде занимался. Но, не снискав больших успехов на этом поприще, оставил его. Сейчас я иногда даю уроки изобразительного искусства учащимся Тэйнчестерского частного пансиона.

— Замечательно, — кивнул У-Фар. — Ну а прямо передо мной сидит господин Анатолий Вершигоров из России. Господин Вершигоров живет в Москве и трудится в сфере услуг.

— Я слесарь, — объяснил Вершигоров. — Работаю в частной фирме «Муж на час».

— Вы занимаетесь оказанием интимных услуг? — с интересом посмотрел на Вершигорова англичанин.

— Нет, я краны ставлю и унитазаы меняю, — обиделся Вершигоров. — Дамочкам, у которых мужья с этим сами справиться не могут.

— Простите, меня ввело в заблуждение название, — извинился сэр Тревес.

— Господин Вершигоров! — поднял руку У-Фар. — Сейчас я хотел бы перейти к вопросу, ради которого мы здесь собрались.

— Да-да, очень, очень интересно, — быстро закивал японец. — Я давно уже об этом думаю.

— И что? — посмотрел на японца сэр Тревес.

— Никаких идей, — застенчиво улыбнулся Курамото.

— А мне кажется, нас похитили инопланетяне, — сказал Вершигоров.

На самом деле он так не думал. Но хотел, чтобы на него тоже обратили внимание.

У-Фар сделал вид, что не услышал последнюю реплику.

— Прежде чем оказаться в этой комнате, все вы успели побывать в зале, где проводится аукцион, — продолжил малиновый. — Мы решили, что это позволит вам сразу, так сказать, с головой окунуться в атмосферу нашего предприятия. Но, признаюсь честно, — У-Фар бросил косой взгляд на Вершигорова, — не ожидал, что кто-то из вас примет участие в торгах, даже не ознакомившись с правилами аукциона.

— Да и так все ясно, — пожал плечами Вершигоров. — Ведущий кричал «Кто меньше?», вот я и выбрал самую маленькую цифру из тех, что предлагались.

— Для того чтобы выиграть торги, нужно не просто обозначить самый маленький срок, но и поддержать свое предложение реальным, тщательно проработанным проектом, — объяснил У-Фар.

— Ну, если надо, я могу и проект предложить, — уверенно заявил Вершигоров.

— Для добычи никелевой руды на астероиде? — недоверчиво прищурился У-Фар.

— Ну да, — кивнул Вершигоров.

— Вы же понятия не имеете о том, как это делается!

— Ну и что?

У-Фар растерянно хлопнул ушами.

— Вы знаете, — медленно произнес он. — Я, кажется, начинаю что-то понимать... — Он посмотрел на японца. — Вы согласны с тем, что сказал господин Вершигоров?

— Целиком и полностью, — привстав, вежливо поклонился Курамото сначала У-Фару, затем Вершигорову. — Когда я начинал свой бизнес, я понятия не имел о том, как устроены зажигалки. А сейчас моя продукция продается по всей Японии и, смею полагать, пользуется успехом. Уверяю вас, У-Фар-сан, можно добиться совершенно невероятных результатов, если взяться за дело с умом и желанием.

— А вы, сэр Тревес?

Англичанин гордо вскинул подбородок.

— Истинный британец для родины и королевы готов сделать невозможное.

— Та-ак...

У-Фар задумчиво постучал пальцами по крышке стола.

— Простите, сэр, — обратился к нему Томас Уильям Тревес-третий. — Вы хотите продать нам астероид?

— Нет-нет! — протестующе взмахнул рукой У-Фар. — Речь идет не об астероиде. Все намного — намного! — сложнее. На торги выставляется планета Земля.

— Наша Земля? — уточнил на всякий случай Вершигоров.

— Именно, — подтвердил У-Фар.

— Понятно, — сказал Вершигоров.

— И с чем же, позвольте спросить, это связано? — полюбопытствовал сэр Тревес.

— С тем, что команда разработчиков последней версии развития вашей планеты не справилась с поставленной задачей. Некоторое время назад они запросили две тысячи лет на воплощение в жизнь своего проекта, но, увы, потерпели фиаско.

— И теперь они выставляют Землю на продажу? — спросил Курамото.

— Не они, — отрицательно махнул рукой У-Фар. — Галактический аукцион. Задача нашей организации не сводит-

ся к получению прибыли, цель — наиболее рациональное и продуктивное использование ресурсов Галактики. Мы проводим торги, чтобы выявить наиболее удачные проекты развития тех или иных объектов. Это могут быть как отдельные небольшие космические тела (астероиды и кометы), так и целые звездные системы.

Планета Земля будет выставлена на продажу уже в третий раз. Кураторы проекта «Земля 1.0» сами отказались от него, когда развитие цивилизации на вашей планете пошло совершенно не в том направлении, которое было запланировано. Планету выставили на торги и передали победителям, предложившим проект «Земля 2.0». Под реализацию проекта «Земля 2.0» отводилось две тысячи лет. По истечении этого срока Земля должна была стать процветающей планетой, без войн и катастроф, где все люди живут в достатке и радости. В соответствии с планом «Земля 2.0» вы сейчас уже должны решить все проблемы экологии и здравоохранения, суметь обеспечить все население едой и доступным жильем. К началу третьего тысячелетия проекта «Земля 2.0» люди должны были создать подводные и летающие города, освоить Солнечную систему и выйти за ее пределы, а наука и культура — достичь невиданного расцвета. — У-Фар тяжело вздохнул и опустил голову. — К сожалению, схемы и методы, отлично зарекомендовавшие себя на других планетах, на Земле почему-то дали сбой. Кураторы проекта «Земля 2.0» долгое время держали это в тайне от Галактического аукциона, пытаясь выправить ситуацию собственными силами. Чем все это закончилось, вам известно лучше меня. Нескончаемые войны, эпидемии, экологические катастрофы, следующие одна за другой, вместо развития науки — гонка вооружений, вместо культуры... сами знаете что. О той пародии на демократию, что вы создали, даже и говорить не хочется. Земля находится на грани гибели. Ситуация настолько нестабильна, что катастрофа может произойти в любой момент из-за сущей мелочи. Какой-нибудь техник повернет не тот кран — и все...

Всесторонне изучив ситуацию, сложившуюся на вашей планете, Галактический аукцион пришел к выводу, что про-

ект «Земля 2.0» должен быть немедленно свернут, а сама планета выставлена на торги. Вот такая ситуация, господа.

У-Фар сложил руки на груди, шевельнул ушами и поджал губы.

На какое-то время в зале воцарилась тишина. Может быть, напряженная, а скорее гробовая.

— Так, значит, это правда, — медленно изрек Вершигоров.

— Что именно? — озадаченно наклонил голову к плечу У-Фар.

— Жидомасонский заговор! — Вершигоров что было сил хлопнул ладонью по столу. — Секты и ложи! Тайные советники вождей! Все это они! — Вершигоров вскинул руку и затряс указательным пальцем, обращенным на У-Фара. — Ваши кураторы!

— Да помилуйте, господин Вершигоров! — умильно сложил руки перед собой У-Фар. — Ну какой заговор? Какие еще масоны? Кураторы проекта «Земля 2.0» не ставили перед собой цели захватить господство над людьми.

— Это вы так говорите!

— Да если бы нам было нужно мировое господство в пределах одной отдельно взятой планеты, мы бы решили эту задачу в кратчайшие сроки. С нашими-то возможностями!

— Он прав, — посмотрев на Вершигорова, кивнул Тревес.

— Все равно я ему не верю, — набычился Вершигоров.

— Простите, У-Фар-сан, — привстав, поклонился японец. — Вы сказали, что Земля снова будет выставлена на торги. Чем это грозит нам, жителям?

— Абсолютно ничем, — как фокусник, развел руки в стороны У-Фар. — Никто не собирается забирать у вас планету. Как жили, так и будете жить на ней. Претенденты на победу в торгах обязаны предложить проект, который поможет жителям Земли быстро решить все самые болезненные проблемы, в которых они погрязли к финалу реализации проекта «Земля 2.0»... Однако есть одно маленькое «но».

— Вот, — негромко произнес сэр Тревес и тихонько стукнул пальцем по столу. — Именно этого я и опасался.

— Кураторы проекта «Земля 3.0» получают право опреде-

Содержание

ПОЛЕ БОЯ

Александр Громов. КОТ-ТАКТ	7
Алексей Калугин. ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА	18
Владимир Михайлов. ПОЛЕ БОЯ	37
Василий Головачев. НЕ ЖДИТЕ ОТВЕТА	77
Евгений Гаркушев. БЕРЕГИ СПИЦЫ СМОЛОДУ	105
Сергей Лукьяненко. КОНЕЦ КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ.	121

КОНТАКТ ЕДИНСТВЕННОГО РОДА

Алексей Молокин. ПОЛКОВНИК НАВЕКИ	125
Анна Китаева. ПОСРЕДНИКИ	166
Антон Первушин. БЛАГАЯ ВЕСТЬ.	178
Даля Трускиновская. ПОБЕГ	190
Николай Басов. КОНТАКТ ЕДИНСТВЕННОГО РОДА.	218
Олег Кулагин. БЛИЗКИЙ КОНТАКТ	239
Сергей Слюсаренко. ПОКА ПЛЫВЕМ...	250
Юлий Буркин. СТРАННЫЙ СПОСОБ ПОЛУЧАТЬ УДОВОЛЬСТВИЕ	260
Яна Дубинянская. МАКС И ЛЕТАЮЩАЯ ТАРЕЛКА	275

ПОРТАЛ

Владимир Васильев. ПАРЛАМЕНТЕРЫ	287
Алексей Евтушенко. СКВОЗЬ ПЕЛЕНУ	298
Андрей Егоров. ПОРТАЛ.	313
Мария Галина. ПОВОДОЫРЬ	319
Юлий Буркин. Я БОЛЬШЕ НЕ БУДУ	350
Евгений Харитонов. АВТОРЫ СБОРНИКА: СЕКРЕТНЫЕ ФАЙЛЫ	363